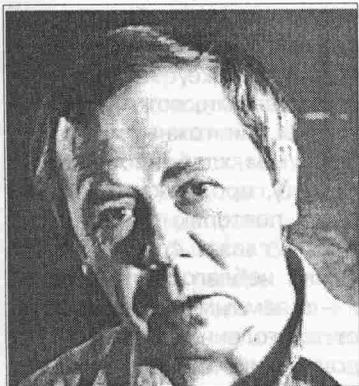

Публицистика

ВАЛЕНТИН РАСПУТИН

ИЗ ОСКОЛКОВ В ЦЕЛОЕ И ЖИВОЕ

«Оголодавший, нищий народ, живущий на семи ветрах, не в силах заинтересованно-вдумчиво осуществлять дело народоправства; ему впору чиниться, добывать кусок хлеба, осмотреться. И как ни трудно это будет иным, верующим в целебную силу народоправства, — им придется на опыте убедиться, как народ, отброшенный к XIV веку, займется первичной кладкой на пепелище, передав «государственное» немногим, верным, — возможно, что и с наказом. Затеиловая резьба будет потом навешена, когда подведут под крышу.

Строить будут под «кнутьями». Неприятное это слово. Не под ременными кнутьями рабского застенка, не под ядовито-острыми кнутьями соблазна, какими недавно гнали народ под веселую музыку к могиле, а под кнутьями жестокой необходимости».

Это Иван Шмелев, 1924 год, когда русские люди и внутри России, и в Зарубежье начали предполагать и планировать, как, какими силами и какими способами удастся поднять из жестокой разрухи их уцелевшее Отечество. Припоминая эти слова, снова и снова приходится только

диву даваться тому, во-первых, с каким постоянством самоубийственные порывы раз, а то и два раза в столетие сбивают Россию с назначенной ей орбиты, и тому, во-вторых, как во все более изнурительном и все более самоотверженном порыве поднимают ее на ту же высоту. Всякий раз одно и то же: Россия плоха, жить в этой стране нельзя, ее следует немедленно перекроить по передовым «колодкам», и всегда заводы такого переустройства выскакивают из «троянского коня» (в последний раз «троянским конем» оказался Кремль), устраивают грабеж и насилие, превращают Россию в «дикое поле» и, сделав свое дело, уходят в удобное и безопасное укрытие. И всякий раз дело спасения достается национальным, кореным силам. Бьет колокол тем же самым тревожным и подгоняющим боем, что и при пожаре, и сельский, и городской миры поднимаются на общую и неотложную работу собирания из осколков в целое и живое. Родина-мать зовет, и все сыновье, дышащее с нею в один лад, выходит на этот зов. Так было после Смуты, после революции, после войны. Так могло быть

и сегодня. Но сегодня Родина-мать все еще молчит, не в силах произнести собственное слово, боясь, что из того, что способна она сейчас выговорить, составит не четкий призыв, а растерянный стон.

Она способна воззвать лишь в том случае, когда все кругом — пусть в жестоких ранах, страданиях, болях, но и в молитве и любви, но и в разбуженном ожидании будет услышано своими, и та мучительная и долгая истязка, к которой она позовет, будет во имя своего. Только такой голос, весь вынесенный наружу, без единой трещинки, где могла бы спрятаться недоговоренность, и способен собрать в народ его разрозненные и заблудившиеся в бездорожье группы, только он и способен сотворить чудо и мобилизовать на необъятную страду всех, кому на роду написано служить России. Но нет такого призыва. Сегодня, похоже, ведут дело к тому, чтобы спасти Россию без участия народа в спасительной работе, а затем, якобы спасенную, подарить ее народу. Но это будет уже не Россия, и это будет уже не народ. Это — отдать в дети тех, кого лишили матери, и говорить о благосостоянии по окрепшему меню.

Да, мир меняется, и в последнее десятилетие, и в особенности в последние годы, эти перемены приняли галопирующий характер. Ошибаются те, кто поверил, будто после 11 сентября, когда таранили Америку, история отстояла себя и свое право развиваться таинственными спиралевидными путями, отдельными для Запада и Востока, Юга и Севера. Напротив, события 11 сентября, и сейчас это все заметней, еще больше подтолкнули стремление к строительству полностью контролируемого глобального мира. И, чтобы не оказаться в нем, требуются не только молодежные протестные мятежи, но и решительная воля государств. Мир изменился, и национальную самобытность какого бы то ни было народа за «железным занавесом» сегодня не удержать. Границы разгораживаются, валюты сливаются, диктат объединенной империи сильных по отношению к слабым и непокорным становится все более беспощадным.

Глобализация — это все вместе и все против всех, жестокий закон естественного отбора и ступенчатого выживания, звериная конкуренция, могила всего ин-

дивидуального и заповедного, окончательная инфильтрация души и воли. Вновь подступает со своей страшной материальной правдой Великий Инквизитор из легенды Достоевского: «О, никогда, никогда без нас они (люди. — В. Р.) не накормят себя. Никакая им наука не даст хлеба, пока они будут оставаться свободными (свободными в своей вере и любви к Христу. — В. Р.), но кончится тем, что они принесут свою свободу к ногам нашим и скажут нам: «Лучше поработите нас, но накормите нас». Поймут наконец сами, что свобода и хлеб земной вдоволь для всякого — вместе немислимы... Убедятся тоже, что не могут быть никогда свободными, потому что малосильны, порочны, ничтожны и бунтовщики. Ты обещал им хлеб небесный, — обращаясь к Христу, продолжает Великий Инквизитор, — но, повторяю опять, может ли он сравниться в глазах слабого, вечно порочного и вечно неблагодарного людского племени — с земным?»

И вот в этот-то оголенно циничный мир, где идет торгашеский промен духовных даров на дары вещественные, шантажируют хлебом и выдают индульгенции на жизнь, где «нет преступления, а стало быть, нет и греха», а права человека выше прав народа, в эту плавильную печь, где из всякого своеобразия, и прежде всего из национального, вырабатывается стандартный продукт, — вот туда-то и вталкивается теперь торопливо Россия для соответствующего обжига и формовки. И делается это с той же рьяностью и бесшабашностью, с какой уже проводился в начале минувшего века социальный эксперимент, — не потрудившись заглянуть в личную карточку народа: кто он и откуда, что для него хорошо и что нет.

Все проводившиеся в 90-е годы реформы устраивались в России по чужим образцам, они были не исходящими изнутри, а привнесенными извне. И даже поверх чужих норм добавлялось с избытком — в расчете на то, что наш брат упрям, его надо ломать наверняка. Подавляющее большинство населения не сделалось от этих ломок ни энергичней, ни педантичней, как американцы или немцы, а от жестоких ударов по самым чувствительным местам согнулось от боли пополам и до сих пор не может распрямиться. Большинство обеднело, психически и морально изнурилось и потеряло последнюю веру в государство.

«Безгосударственных» людей, не имеющих ни прав и ни обязанностей, ни привязанности и ни благодарности, одичавших и отчаявшихся, в России сейчас не меньше, чем было их во времена лжедмитриев. Государство отвернулось от своей великой национальной культуры, и она, как побирушка, в бессилии ужимаясь и теряя голос, пробавляется подаянием. Литература, два века бывшая естественной и нравственной школой народа, отпихнута, словно натерший шею хомут, и ее место с гиком и непристойностями заняла подворотня. Уберегаясь Россия, тоже потерявшая веру в государство, пытается спастись от всего этого содома общинами с христианским, полусветским-полумонастырским уставом, да ведь известно: лжа, что ржа, тлит без державной подмоги любые крепости.

Казалось бы: что было, то было — не убиваться же теперь по отшедшему! — если бы оно только было отшедшим. Ничего подобного: продолжается так называемое «углубление» реформ. «Углубление» — это посягательство не только на государственные основы, но и на отечественные, освященные традицией, глубины, откуда «есть-пошел» со своими собратьями русский человек. Готовящаяся реформа русского языка и образования (реформа образования уже началась в «экспериментальном», т. е. замаскированном виде) — как раз из этого ряда вмешательства в духовную генетику русской жизни и переключения ее в простую функцию. В последние времена действительность награждала нас за измену самим себе такими непристойностями, что от повторения их мы, похоже, разучились краснеть. Уже забыто, что президентскую предвыборную кампанию пять лет назад у нас проводили американцы, что сплошь и рядом американцы ходили в советниках и главных специалистах при подготовке российских реформ. Единый выпускной и вступительный экзамен по тестам — это

изобретение американской педагогики в помощь своим оболтусам, не способным к обширному и творческому знанию, — так зачем же еще, скажите на милость, лучшее в мире образование, нуждающееся, разумеется, в финансовой поддержке, переводить на худшее, как не из подобострастия к сильному, который показывает у нас себя хозяином?! И реформа русского языка с упрощенным правописанием — не для того ли сейчас идет вокруг него возня, чтобы американцам, внешним и внутренним, легче было составлять для наших ребятишек учебники и заменить Шахматова и Даля? Примитивно, скажете такое предположение, глупо? А разве менее примитивно и менее глупо, но по последствиям своим не менее пагубно и уродливо, — менять на нас саму кожу, чтобы мы приличней выглядели пред светозарными очами Запада?!

Народы не делятся по сортности, второстепенных народов не бывает. Однако, существует такое понятие, как ранг народа в истории. Этот ранг может усиливаться или ослабляться в зависимости от усиления или ослабления государства. Но народ всегда, в любых неудачах и несчастьях, будет иметь внутренние духовные и физические запасы для восстановления своих сил и значения, покада он остается самостоятельной и самодостаточной величиной, опирающейся на свои исторические истоки. Но как только повреждается корень, а специалисты принимаются хлопотать не над его спасением, а над спасением занесенных в него вредителей, дело может закончиться печально.

Повторю в заключение: народ наш согласится и на дальнейшие претерпения, как это было после Отечественной войны, но уверьте его на родном языке, без лукавого акцента, во имя чего ему придется принять эти добровольные, выражаясь словом Шмелева, «кнутья». Это не его судьба — искать братьев за океаном. Братья у него уже есть.

Выступление на VI Всемирном Русском народном соборе